
ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

РУДОЛЬФ ЧЕЛЛЕН – ОСНОВАТЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

**И.Ф. Кефели, доктор философских наук, профессор. Балтийский
государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова**

Формулируются основные положения вышедшей в русском издании книги Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни», и анализируются её ключевые идеи в контексте истории начала XX века.

Ключевые слова: географический детерминизм, геополитика, государство, форма жизни, законы геополитики

RUDOLF KJELLÉN – FOUNDER OF THE CLASSIC GEOPOLITICS

I.F. Kefeli. The Baltic state technical university «Voenmeh» of D.F. Ustinov

Article is devoted to Rudolf Chellen's publication of the book «The state as a life form», one of founders of geopolitics. The author formulates basic provisions of the book, analyzes her key ideas.

Keywords: geopolitics, state, life form, geopolitics laws

Классическая работа «Государство как форма жизни» Р. Челлена, одного из основателей геополитики, идеи которого воспроизводились современными авторами, как правило, по вторичным источникам, вышла на русском языке в переводе М.А. Исаева [1]. Знакомство с авторским текстом в полном объеме дает право утверждать, что многие его идеи обретают новое звучание в современных исследованиях, равно как это происходит с идеями К. Хаусхофера, Х. Макиндера и др. Прежде всего, отодвигаются в историю первые упоминания о геополитике в системе наук о политике. В приложении к книге Р. Челлена опубликована его статья «Политика как наука» из газеты «Гётеборгс Афтонблад» от 22 и 26 марта 1901 г., где автор обосновал теоретический статус государственоведения (statsvetenskap). В этой статье автор отмечал необходимость расширения изучения сферы политического, в которой «всегда должны оставаться в остатке немного народной психологии и статистики», и обращал внимание читателей на то, что «одним из величайших открытий наших дней является *обусловленность изучения определенного предмета знанием окружающей его среды*». При этом он вполне правомерно признавал роль Ф. Ратцеля в расширении знания о государстве, которое должно было быть расширено до знания окружающей его среды, учитывающего органическую связь, что предполагает изучение в рамках политической науки естественную сторону государства. Так он предвосхитил необходимость включения геополитики в достаточно четко представленную им систему политических наук. «Политика, – продолжал он ход своих рассуждений, – стремится к систематическому знанию эмпирически данных государств или получивших организационную форму народов [organiserade folk]. С этой целью она тщательно исследует народную индивидуальность, исходя из тех же предпосылок, которые вытекают из изучения самого частного индивида: не только принципов разума (явственнее всего запечатленных в правовой организации, являющейся предметом специальной дисциплины – *государственного права*), но также внешних общественных отношений и потребностей (политической статистики или *социополитики* [sociopolitik]), природных характеристик и духовных сущностей (этнической психологии или

этнологии), прошлого развития (частью принадлежащего *истории*) и данной географической среды (*геополитики* [geopolitiken]). Таким образом, политика является ближайшим соседом остальных наук: юриспруденции, изучающей сущность права и его формы; социологии, изучающей своеобразные стадии общественной жизни вне форм их правовой организации; этнографии, стремящейся к естественной классификации различных видов человеческих родов вне присущей им формы государственной организации; истории, пытающейся познать законы развития жизни, и географии, которая изучает земную поверхность как таковую вне зависимости от того, затронута эта поверхность культурным воздействием человека или нет» [1, с. 297]. Сам термин «геополитика» для обозначения «эмпирической политологии» ученый впервые употребляет в статье «Исследования политических границ Швеции» («Studier ofver Sveriges politiska granser». Умер, 1899). В Европе геополитические идеи Р. Челлена были восприняты, в первую очередь, в Германии, где его работы издавались регулярно в переводе на немецкий язык, начиная с публикации в 1905 г. статьи о скандинавской геополитике.

В более развернутом плане Р. Челлен обосновывает свои идеи спустя пятнадцать лет в рассматриваемой книге, которая впервые вышла в Стокгольме в 1916 г. Геополитике он посвящает отдельную главу – «Государство как господство. Геополитика». Необходимо отметить, что теоретическое обоснование государствоведения (так называл он политологию, изучающую политику как систему и государство как главный актор политики) автор осуществляет, исходя из популярных в то время мировоззренческих позиций социалдарвинизма. Он ссылается на свою, опубликованную еще в 1905 г., работу «Великие державы», где однозначно утверждал, что «в самих великих державах можно распознать биологические факты ... в борьбе за существование путем естественного отбора эти великие державы также ступают по внешней поверхности земли ... Как таковые они должны были бы быть предметом, так сказать, биополитического изучения [biopolitikst studium], стремящегося исследовать законы своего собственного развития» [1, с. 85–86]. Предпринимает он это с целью расширения предметной области государствоведения, которая прежде, как отмечал, подражая немцам, ограничивалась вопросами конституционного права. Подводя промежуточные итоги рассмотрения сущности государства Р. Челлен отмечает, что подобное воззрение слишком узкое, поскольку государство способно «открыто взять на себя задачи по управлению экономической и социальной сферами. Вместе с тем внешняя перспектива фактически существующих государств обнаруживает, что географические и этнографические элементы определяют собственную сущность при помощи до сих пор полностью не оцененной связи» [1, с. 88–89]. Обратим внимание на то, как точно автор, правомерно отвергая сугубо юридическую трактовку сущности государства, утверждает идею социального государства, которая впоследствии утвердилась в политической жизни Швеции. Одновременно он же подходит к утверждению геополитической доктрины государства (справедливости ради отмечу, наряду с экономической политикой, этнополитикой (национальной политикой) и социополитикой (социальной политикой), тогда как термин «географическая политика» вряд ли уместен). Используя методический прием, согласно которому деятельность государства проявляется в качестве одной и той же формы жизни в виде пяти элементов одной силы (территориальная форма власти, экономика, народ, общество и система господства, то есть правовой субъект), Р. Челлен определяет естественные границы науки государствоведения по отношению к предмету других наук. «Ее левое крыло – это не география, но *геополитика*; ее цель – не территория [land], но всегда и исключительно политическая организация, пронизывающая ее, то есть территориальная форма власти [rike]. Ее правое крыло – равно не государственное право или еще того меньше – конституционная история, но и конституционная политика, и политика управления, или, если пользоваться одним единым термином ... – административная политика [regementspolitik]» [1, с. 90]. По мнению Челлена, нужно различать естественную и культурную стороны государства, первая из которых как раз и предстает сферой геополитики и этнополитики, где «проявляется наиболее непосредственно и необходимо биологический характер

государства». Исследование государства как формы жизни, включает автор, дополняет исследование его как формы культуры. Здесь необходимо сделать некоторое уточнение, касающееся того, с какой целью он пользуется метафорой «форма жизни»? Следуя сложившейся тогда традиции, Р. Челлен уподобляет государство живому организму, но не ограничивается этим, а делает более тонкий ход. Он наделяет государство качествами личностного содержания – темпераментом, характером, волей, ценностными установками, – которые дополняют природные свойства пространства как тела государства.

Подобного рода исследование предполагается начинать с фиксации одного за другим «специфических естественных элементов государства, территориальной формы власти и народа», предваряя анализ экономической, социальной и административной политики как культурных форм государства [1, с. 91–93]. Исходя из этой методологической пропедевтики, Р. Челлен переходит к определению теоретического статуса геополитики, которую он представляет в качестве учения о государстве как о «географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о земле, территории, области или, точнее всего, – как о *территориальном господстве [rike]*». Геополитика исходит из признания целостности государства, тогда как предметом политической географии выступает земная поверхность в качестве места жительства и ведения хозяйственной деятельности. Подобное толкование геополитики автор подкрепляет рассмотрением двух ее законов – «закона выздоровления» и «закона автаркии». Понятно, что эти законы – эмпирически выводимые из истории международных отношений и государственного строительства. Так, согласно «закону выздоровления» реализуется перманентное стремление государства добиваться дополнительных источников приращения своих земель и ее природных богатств. Он критикует позицию «старых либералов», считавших, что государство должно прекратить осуществлять неограниченную власть над территорией, поскольку «автаркия всего лишь скрыта в земле и должна быть освобождена из нее посредством труда ..., что и означает мощный вклад в развитие индивидуальности страны». Для образности Р. Челлен прибегает даже к мифологическим реминисценциям, уподобляя геополитику научному изданию мифа об Антее, вернувшем себе силу от прикосновения к родной земле [1, с. 110–111]. Другой закон (автор называет даже «великим законом автаркии») звучит так: *«страна должна обладать такой формой естественной территории, которая гарантирует ей самодостаточность»*. Дальнейшее уточнение этого определения позволяет говорить о предвосхищении Челленом некоего прообраза геоэкономики в недрах геополитики: «В этом мы находим реальное определение внутренней географической индивидуальности. Здесь находится прямая связь между геополитикой, изучающей общие условия страны, и экономической политикой [ekonomipolitiken], изучающей фактическое развитие автаркии и методы хозяйствования внутри страны» [1, с. 126–127].

Еще об одном законе геополитики ведет речь Р. Челлен. Закон, который можно было бы назвать «законом политической необходимости», согласно которому большие государства, подобно огромной физической массе, притягивают к себе малые. Позже, уже в конце XX в., идеи подобного рода получили развитие в представлениях о государствах-лимитрофах, которые он определял как «буферные государства». Проследим ход мыслей Челлена по этому вопросу. Подчеркнув еще раз, что страну следует рассматривать как определенное содержание собственной сущности государства, во многом и в значительной степени определяющее образ действий этого государства и всю историю его развития, он делает следующий вывод: «Уже на этой общей и приобретенной собственное направление [orienterande] стадии мы испытываем такие влияния вне сферы права и неправа со стороны естественных свойств государства [statens natursida], что большая часть истории становится ясной для нас именно в этом свете. Геополитика в особенной своей части благодаря анализу, прежде всего, таких атрибутов страны, как пространство, форма и протяженность, может служить выражением такой категории, как политическая необходимость» [1, с. 133–134]. Иначе говоря, именно геополитика оказывается способной изучать объективные факторы проявления политической необходимости государств в «притяжении» сравнительно

меньших государств в силу действия своих ландшафтных атрибутов. Эту свою мысль он усиливает утверждением, что «среди всех географических влияний на действия государства следует считать наиболее сильными и многочисленными те, которые обусловлены его местоположением ... Мы имеем здесь в виду чисто политическое значение местоположения: расположение государств по отношению друг к другу, уровень культурного развития, обусловленный их местоположением на всемирных транспортных путях» [1, с. 139]. Кстати говоря, эта идея получила развитие в отечественной евразийской геополитике П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского.

Разумеется, не обошлось и без курьезов. Вполне серьезно Р. Челлен заявлял, что «даже в лесу действует политический закон, запрещающий деревьям расти вплоть до неба, совершенно заглушая рост кустарника» [1, с. 137], что можно отнести к издержкам социал-дарвинизма. Или же он, проводя аналогию между большими физическими массами и большими государствами, обладающими силой притяжения по отношению к малым государствам, усматривает действие этой силы в устремлениях России в Азии и даже в отношении определенных малых славянских народов Европы. «Однако это физическое притяжение России, – успокаивает читателей автор, – нейтрализуется Западом посредством духовных импульсов, несущих в себе более высокую культуру» [1, с. 136]. На это замечание Челлена хотелось бы возразить словами немецкого философа В. Шубарта, который был совершенно другого мнения относительно духовных импульсов России. В книге «Европа и душа Востока», написанной им в 1938 г., мы встречаем следующие примечательные слова: «Не европеец, а русский имеет ту душевную установку, с которой человек может оправдать своё извечное предназначение. Он руководствуется абсолютом, вселенским чувством, мессианской душой. Вот почему мы заявляем со всей решительностью: в главных вопросах бытия европеец должен брать за образец русского, а не наоборот. Если он хочет вернуться к вечным целям человечества, ему следует признать русско-восточную оценку мира ... Англичанин смотрит на мир как на фабрику, француз – как на салон, немец – как на казарму, русский – как на храм. Англичанин жаждет добычи, француз – славы, немец – власти, русский – жертвы. Англичанин ждёт от ближнего выгоды, француз стремится вызвать у него симпатию, немец хочет им командовать, и только русский не хочет ничего. Он не пытается превратить ближнего в орудие. В этом суть русской идеи братства ... Русский всечеловек как носитель нового солидаризма – единственный, кто способен избавить человечество от индивидуализма сверхчеловека и от коллективизма массового человека». Шубарт исходит из разработанного им учения об *эонах*, то есть отрезках исторического времени, обладающих определёнными архетипическими чертами и формирующими соответствующий тип человека – *гармонический, героический, аскетический, мессианский*. На основе этого учения В. Шубарт сопоставляет ментальные черты русского и европейца. Русский един со своей судьбой, а европеец противостоит судьбе как врагу. Душевная установка русского – самоотдача, а европейца – самообладание. Русский служит человеку, а европеец – делу. Русский обладает выразительным мышлением, а европеец – целевым. Русский переживает мир, исходя из «мы», а европеец, – исходя из «я», «ты». Идеал русского – всечеловек, а европейца – сверхчеловек. Гармоничный человек воспринимает мир как устроенный космос, который допустимо созерцать. Героический человек видит в мире хаос, который он должен упорядочить. Аскетический человек воспринимает мир как заблуждение, от которого можно скрыться в мистическом экстазе. Мессианский же человек видит своё предназначение в создании на земле более возвышенного божественного порядка. По мнению В. Шубарта, в XX в. наступает закат прометеевской эпохи, а на горизонте занимается заря иоанновской эпохи с присущим ей мессианским архетипом человека [2]. Челлен же остается на позиции признания вечного противостояния России и Европы, он определил России роль всемирного буфера между белой и желтой расой, о чем заявил достаточно категорично: «Ее окончательное поражение в мировой войне непосредственно укажет ей именно этот путь» [1, с. 144]. Впрочем, мнение исследователя не обязательно представляет собой рекомендацию, которая временами расходится с «предписанием»

истории. Итак, давно ожидаемое русское издание замечательной книги Р. Челлена станет хорошим подспорьем для отечественных ученых, активно и продуктивно ведущих исследования по всему спектру геополитического знания.

Литература

1. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. с швед. М.А. Исаева; под науч. ред. М.В. Ильина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 319 с.
2. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003. С. 39.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕНСИВНОСТИ РАЗВИТИЯ В СОЦИОБИОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Е.Г. Вахнина, кандидат философских наук, доцент;

Н.А. Вахнин, кандидат философских наук, доцент.

Воркутинский горный институт (филиал) Национального минерально-сырьевого университета «Горный», г. Воркута.

Н.П. Настасюк, кандидат политических наук, доцент.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Представлен анализ мировоззренческих и методологических характеристик понятий «интенсивность», «интенсификация». Проведено сравнение толкования этих понятий в русском и западноевропейских языках. Проанализированы темпы развертывания противоречий в биологических и социальных системах, роли человека в их развитии и управлении. Предложено более широкое толкование понятия «интенсификация».

Ключевые слова: интенсивность, интенсификация, биологическая и социальная эволюция, виды интенсивности, экстенсивное и интенсивное развитие, качественные основы интенсификации

PROBLEMS OF DEVELOPMENT INTENSITY IN SOCIOBIOLOGICAL SYSTEMS

E.G. Vakhnina; N.A. Vakhnin. Vorkuta Mining Institute (branch) of the National university of mineral resources «Mountain», Vorkuta.

N.P. Nastasyuk, Saint-Petersburg university of State fire service of EMERKOM of Russia

The analysis of philosophical and methodological characteristics of the concepts of «strength», «intensification». A comparison of the interpretation of these concepts in the Russian and Western European languages. Analyzes the pace of deployment of contradictions in the biological and social systems, the human role in their development and management. Offered a broader interpretation of the concept of «intensification».

Keywords: intensity, intensification, biological and social evolution, species intensity, extensive and intensive development, qualitative basis for intensification

Исследование проблем интенсивного развития социума, их важность и значимость остаются актуальными в общественном сознании с начала XIX в.

Представляется традиционным подход в исследовании, когда первоначально уточняется этимологический смысл понятий и сфера их употребления. Можно, придерживаясь данного правила, так охарактеризовать понятия «интенсивный», «интенсивность» и их место в общей теории развития и исследования диалектических противоречий.